

Юлиан Панич: «Свой дом я ношу с собой»

В 75-летней жизни этого человека уместилось несколько судеб

Этот человек известен несколькими поколениям россиян как актер, режиссер театра и кино. Он снялся в двух десятках фильмов и сыграл десятки ролей в театрах Москвы и Санкт-Петербурга. Его работы всегда отмечались критиками и прессой как яркое и запоминающееся явление. В соавторстве с женой им сняты четыре полнометражных фильма и сотня клипов. В 1972 г. Юлиан Панич покинул СССР, первой остановкой стал Израиль, затем – США, а конечной – Германия, где в Мюнхене началась его работа на радио «Свобода».

33 года эмиграции – долгий путь. Сохранить на его протяжении верность своим идеалам не так-то просто. Наш разговор начался с вопросов биографических.

– Юлиан Александрович, когда и в какой семье вы родились?

– Это произошло 23 мая 1931 г. в городе Кировограде, на Украине. Отец был санитарным врачом, мама работала машинисткой. Я рос и верил, как и миллионы моих соотечественников, в светлое завтра моей страны. К началу войны мы жили в Харькове. В конце августа 1941 г. к нам прилетел маршал Буденный с инспекцией и, указав на свою широкую ладонь, заверил всех собравшихся в Доме офицеров, что скорее на ней вырастут усы, чем мы сдадим город. Через несколько дней войска вермахта входили в Харьков. Вся авиабаза, где работал врачом отец, под командованием Героя Советского Союза комбрига Николая Каманина бежала, спасаясь от плена. Нам тоже удалось прорваться и впоследствии эвакуироваться вглубь страны.

– А с чего началось ваше увлечение театром?

– В Чимкенте, куда нас эвакуировали в 1943 г., я поступил в драмкружок при Дворце пионеров. Участие в нем сулило мне хлебную карточку иждивенца. Мы ездили по госпиталям и выступали перед ранеными. Со мной в одном коллективе был ныне известный артист Леонид Броневои. В 46-м отец получил назначение в Москву, куда мы переселились всей семьей. После школы я поступил в Педагогический институт им. Потёмкина на литературный факультет. Однажды мы с приятелем решили «обмыть» сдачу зачетов и в кафе на улице Горького встретили моего друга детства (с которым мы познакомились в пионерском лагере), будущего народного артиста Ролана Быкова. Узнав, что я студент пединститута, он отказался этому верить, утверждая, что во мне

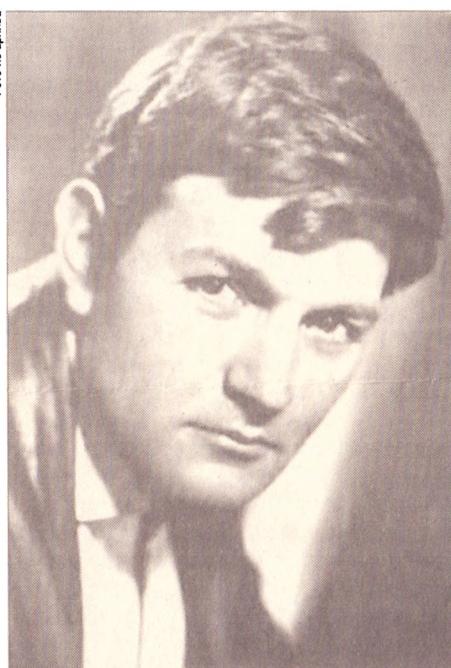


Фото из архива

пропадает артист и мое место в Щукинском театральном училище. Не помню, что я читал на вступительных экзаменах, но в 1950 г. я стал студентом этого прославленного учебного заведения. По окончании «Щуки» был приглашен сразу в несколько театров, но остановил свой выбор на Театре им. Ленинского комсомола, где главным режиссером была Софья Владимировна Гиацинтова. Там за полтора года удалось сыграть одну главную роль и множество в масках.

– Каким образом вам удалось попасть на главную роль в фильме «Разные судьбы»?

– Почему-то я полюбился руководству Киевской студии, видимо, из-за знания украинского языка. Мне давали роли, и я подолгу жил в Киеве. В те годы многие режиссеры, операторы и актеры находили там работу быстрее, чем на других студиях страны. В мое время там снимались: Вера Марецкая, Александр Вертинский, Николай Крючков, Борис Андреев, а из молодых – Георгий Юматов, Коля Рыбников, Алла Ларионова. Мы жили в одной гостинице и «гудели» в одном ресторане. О Леониде Давыдовиче Лукове я знал, что он один из самых талантливых советских режиссеров. Он был постановщиком нашумевшей до войны картины «Большая жизнь», фильма «Два бойца». Как-то в купе поезда, шедшего из Москвы в Киев, Леонид Давыдович рассказал нам, молодым артистам, – Жоре Юматову, Тане Пилецкой и Вере Ушаковой, что он скоро приступает к съемкам нового

фильма о молодежи и этих актеров берет на нее без проб. Мы курили нещадно, и тут обнаружилось, что все папиросы кончились. На следующей остановке, в Туле, я выскочил из вагона, купил две коробки «Казбека» и побежал вслед за поездом. Ухватившись за поручни, я повис на них, так как двери вагона закрылись. Не помню, сколько я провисел в таком положении, но, увидев, что кто-то стоит в тамбуре, я стал стучать головой в дверь. Слава Богу, меня втащили в вагон в почти бесчувственном состоянии. В таком виде предстал я перед Луковым. Проводница рассказала ему, из-за чего это всё произошло, так как была предупреждена мною, что я побежал в ресторан за папиросами. Он тоже курил «Казбек» и решил, что я рисковал жизнью ради него. О том, что я покупал папиросы для себя, Луков не хотел и слышать. В результате на роль Феди Морозова он без проб взял меня. Не будь в моей жизни картины «Разные судьбы», ничего бы в моей актерской

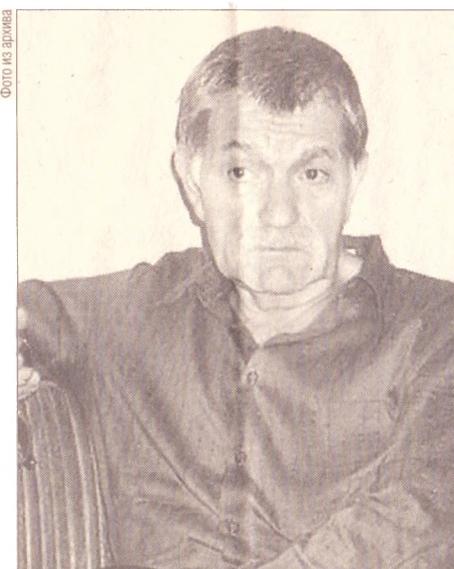


Фото из архива

судьбе выдающегося и не было бы. Хотя фильм по сюжету простенький, он дал мне имя, популярность.

– А как вам работало с Луковым?

– Был такой кинорежиссер Иван Пырьев, постановщик «Сказания о земле сибирской», «Кубанских казаков», «Братьев Карамазовых». Он оскорблял, буянил, сводил счеты сподчиненными, принуждал актрис к сожительству. Вся советская система как бы подталкивала таких людей к самоуправству. Луков умудрялся оскорблять актеров в кадре: «Эй ты, дубина, куда идешь?», «Выгоните эту проститутку вон!» Потом, стоя на коленях, просил прощения. Я тоже наслушался

от него таких «комплиментов», так что однажды решил бросить всё к чертовой матери. Луков прибежал ко мне в номер с плачем и криками, поливая грязью всех, и себя в том числе. Мне было ужасно стыдно за него! После «Разных судеб» я никогда больше не соглашался участвовать в его фильмах.

– Как вы встали по другую сторону кулисы?

– На ленинградском телевидении мы сняли фильм о поэтессе Ольге Берггольц, которая провела всю блокаду в Ленинграде, работая на радио. И сразу прощтрафились перед идеологическим отделом обкома партии тем, что захотели из человека с исковерканной судьбой сделать святую. Нас заставляли кромсать уже готовую ленту. То же самое происходило с фильмом о художнике Натане Альтмане, а картина о Лермонгове вообще была запрещена. Нас женой постоянно бичевали партийные «недоросли». В конце концов мы поняли, что в Ленинграде нам работать не дадут, и перебрались в Москву. Там мне сразу дали должность главного режиссера в объединении «Кадр» при Всесоюзной студии «Экран». Мой предшественник на этой должности Миша Калик, собираясь в Израиль, как-то поинтересовался, кто у меня в родне еврей? Я ответил, что мама. И вскоре после этого разговора я получил вызов из Земли обетованной. Меня, естественно, высветили, и уже укрыться от КГБ стало невозможно. Шаг за шагом я стал входить в круг «подавантов», «отъезжантов» и «отказников». В конце концов меня выпихнули из страны, дав на сборы неделю.

– С чего началась ваша работа на радиостанции «Свобода»?

– С чтения текста нобелевской лекции Солженицына. Большинство неподцензурной русской литературы, запрещенной на родине и изданной «самиздатом» или «тамиздатом», было проартикулировано мной и срежиссировано Людмилой Панич. Мои авторы – А. Солженицын, В. Войнович, В. Максимова, Г. Владимов, В. Гроссман, В. Ерофеев.

– Что собой представляла тогда радиостанция «Свобода»?

– Там ходила байка: «Радиостанцию создавали американская и советская разведки, не зная, что делать со своими оставшимися после войны шпионами». Шпиономания была на радиостанции развита в высшей мере. Доносы, сплетни, клевета, весь арсенал совкового предательства срабатывал на территории нашего «гетто». Англо-саксы потакали этим низменным инстинктам русских, поляков, венгров... Исключения

здесь не было! Так была заквашена вся наша эмигрантская колония. Я делал свое дело и за два с лишком десятка лет не получил ни одного повышения. Но вот однажды, безо всяких моих «подвигов», меня назначили начальником отдела. Через полгода меня вызывает заместитель директора радиостанции и говорит: «Юлиан, извините, но есть мнение, что вы не владеете ситуацией в отделе, не руководите процессом. За полгода работы вы не написали нам наверх в дирекцию ни одной жалобы, ни одной докладной записки на своих сотрудников». Но вот в чем парадокс. При всей мерзости жизни в коридорах и студиях нашего радио нам работалось отлично. Мы трудились бок о бок с американскими, французскими и немецкими профессионалами. Советская власть «подставлялась» на каждом шагу, никто нас не опровергал – это считалось для Москвы унижительным. Не раз проходил слух, что под давлением Москвы Вашингтон вскоре прикроет «Свободную Европу» и «Свободу». Мы боялись этого, но понимали, что целый отдел на Лубянке останется без работы! «Свобода» была частью забот КГБ.

– Была ли на радиостанции цензура и как контролировалась ваша работа?

– Цензуры не было. Программы прослушивались после выхода в эфир. Американцы создавали прекрасные условия для работы и обсуждали сообща уже прошедшие материалы. Но были идеологические жесткие рамки. Запрещалось вступать в полемику с советскими средствами массовой информации, нельзя было ругать советское руководство, оскорблять чувство национального или политического достоинства слушателя. Нас учили быть сдержанными в тоне и аргументированными в споре. Такая школа американской журналистики принесла свои плоды.

– Где сегодня ваш дом?

– Сейчас мы живем в деревне недалеко от Парижа. Десять лет назад мой сын женился, его жена Маша родила нам двоих внуков и успела закончить Сорбонну. Сын Игорь, сменив множество профессий, теперь пишет книги, их покупает солидное издательство. Жизнь профессионала-литератора – это не простой труд. Когда-то в Мюнхене, у музея художника Ленбаха, я наткнулся на современную бронзовую скульптуру: черепаха, громадный панцирь и из него торчит маленькая головка. Это и есть образ эмигранта, вечного жиды, перекасти-поле, человека, однажды сорвавшегося с места! Свой дом я ношу с собой.

Роман МАЛКОВ